

Р.М. Жумашев, И.Д. Хлебников, Ш.А. Ильясов

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: press.ksu@mail.ru)*

Из истории формирования социокультурной общности: австро-венгерский опыт

В статье рассматриваются вопросы конструирования социокультурной общности на примере Австро-Венгрии. В центре внимания авторов — австро-венгерский опыт национального строительства, который представляет актуальность в свете развития стран, являющихся полиэтническими и поликультурными образованиями, к которым относится и Республика Казахстан. В настоящей статье представлены аргументы по вопросу о том, почему, несмотря на гибель единого государства в результате Первой мировой войны, австро-венгерский опыт формирования социокультурной общности дает в целом положительный пример. В результате соглашения 1867 г., приведшего к созданию дуалистической модели Австро-Венгрии, появилась уникальная в своем роде многонациональная европейская монархия федеративного типа. Ее эволюция в конце XIX – начале XX вв. во многом предвосхитила практику решения проблем национально-территориального федеративного устройства в современных условиях. Данная модель основывалась на федеративном единстве в сочетании с внутренней административно-политической самостоятельностью субъектов. Четкое соблюдение порядка разделения полномочий между Цислейтанией и Транслейтанией при доминировании центральной императорской власти в условиях XIX в., несомненно, свидетельствовало о высокой правовой культуре этого государственного образования. Авторы приходят к выводу, что австро-венгерский опыт формирования социокультурной общности, несмотря на распад единого государства под воздействием, главным образом, неблагоприятных внешних воздействий, дает больше оснований для положительных оценок. Анализ свидетельствует, что распад единого государства не был предопределен, поскольку и в плане национального строительства, и в плане экономического развития Дунайская монархия не имела неразрешимых принципиальных противоречий.

Ключевые слова: социокультурная общность, полиэтничность, Австро-Венгрия, Срединная Европа, Габсбурги.

Проблема формирования социокультурной общности и национальной идентичности на рубеже XIX и XX столетий приобрела в Центральной Европе исключительную остроту. Особенную актуальность она получила в многонациональных государствах (прежде всего, в Австро-Венгрии, России, Турции), где от успешности интеграции этнического самосознания в общегосударственную идентичность стало зависеть дальнейшее существование этих государств. Но и в веке XXI эти проблемы не теряют своей актуальности. По сей день межнациональные отношения являются одним из факторов, оказывающих значительное воздействие на развитие общества. В связи с этим исследование исторического опыта построения многонационального государства является актуальным, в особенности для стран, исторически являющихся полиэтническими и поликультурными государственными образованиями, к коим относится и современный Казахстан.

Для нашей страны вопрос формирования общенациональной идентичности и формирования единого культурного пространства является принципиально важным. В связи с этим изучение опыта национального строительства на примере Австро-Венгрии может быть полезно для формирования этнокультурной и конфессиональной политики Казахстана.

Австро-Венгрия была фактически образована 20 марта 1867 г., когда Австрийская империя официально разделилась на два формально независимых государства и стала союзом двух монархий — Австрийской империи и Венгерского королевства, объединенных под властью одного суверена. Поскольку недалеко от столицы Двуетной монархии — Вены граница между двумя частями страны пролегла по реке Лейте, то Австрия получила еще одно название Цислейтания, а Венгрия — Транслейтания. За более чем пятидесятилетний период ее существования Австро-Венгрией правили только два императора из династии Габсбургов: Франц Иосиф I и Карл I (в венгерской части страны — Карл IV). Многие современные исследователи считают, что австро-венгерское соглашение было единственно возможным способом сохранения для Монархии Габсбургов статуса великой державы [1–3]. Благодаря соглашению до начала Первой мировой войны развитие Австро-Венгрии было относительно спокойным, достаточно последовательным и имело устойчивую положительную динамику.

Страна вступила в полосу бурного экономического развития и модернизации всех сторон общественной жизни. В политической сфере Австро-Венгрия отошла от абсолютизма; в обеих частях монархии была реализована конституционная либеральная модель. Тем не менее новое государственное устройство имело ярко выраженные недостатки, среди которых наиболее важным было затягивание решения вопроса подлинной федерализации страны.

Императорский рескрипт от 14 ноября 1868 г. дал достаточно громоздкое и подчеркнуто «наднациональное» официальное название прежней Австрийской империи: «Королевства и земли, представленные в Рейхсрате, и земли венгерской короны Святого Иштвана». При этом Австро-Венгрия была на тот момент самым крупным государством, расположенным исключительно в Европе. Она включала полностью территории таких современных государств, как Австрия, Венгрия, Чехия, Словакия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина и частично — Польши, Украины, Румынии, Италии, Сербии.

Австрийская и венгерская части страны обладали собственными представительскими и исполнительными, включая местные, органами власти; в каждой из двух частей единого государства существовали свои министерства обороны, генеральные штабы и армии. В деле военного строительства министерства обороны обеих частей Двуетной монархии составляли свой бюджет, а парламенты его утверждали. Вместе с тем существовал и ряд общих политических институтов. К ним относились Министерство финансов, которое заведовало общенациональным бюджетом и управляло имперской провинцией Боснией и Герцеговиной (после ее включения в состав Австро-Венгрии в 1908 г. вопрос принадлежности к одной из частей монархии длительное время оставался нерешенным); Министерство иностранных дел, представлявшее страну на международной арене; Военное министерство с собственным Генеральным штабом и общими вооруженными силами. Как видно, Австро-Венгрия фактически имела три армии — общенациональную, австрийскую, именованную ландвером, и венгерскую — гонвед, что далеко не лучшим образом дало себя знать в годы Первой мировой войны. Данная модель отрицательно влияла на эффективность военной машины, но способствовала снижению межэтнических противоречий.

Несмотря на то, что государственное устройство Австро-Венгрии носило конституционно-представительный характер, на общегосударственном уровне не существовало единой конституции, а имели место отдельные конституции Австрии и Венгрии. При этом на общенациональном уровне отсутствовал парламент как таковой; принципиальные для Австро-Венгрии вопросы решались на ежегодных «делегациях», включавших по 60 представителей от австрийского и венгерского парламентов — Рейхсрата и Национального собрания.

Следует отметить, что в основе этой сложной и в чем-то даже прогрессивной политической конструкции лежало достаточно архаичское основание — Прагматическая санкция от 6 декабря 1724 г., определявшая порядок престолонаследия династии Габсбургов. На основании этого документа были выработаны новые политические отношения между двумя частями страны, нашедшие отражение в Австрийском Основном законе 21 декабря 1867 г. и в 12 статье Венгерских законов 1865–1867 гг.

Всего в Австро-Венгрии в 1910 г. проживали свыше 51 млн 300 тыс. человек. Наибольшими были группы австрийских немцев (23,5 %) и венгров (19,5 %). Вместе они составляли 43 % населения империи. За ними следовали славяне — 47 %, которые делились на чехов (19,5 %), поляков (9,9 %), украинцев (в соответствии с имперской терминологией — «русинов») (8 %), хорватов (6,4 %), сербов (5 %), словаков (3,9 %) и словенцев (2,5 %). Затем следовали румыны (6,5 %) и итальянцы (1,5 %). Евреи в качестве отдельной нации не рассматривались, их относили на основе самоидентификации к перечисленным выше этносам [4].

Разумеется, при столь пестром этническом разнообразии, в особенности в условиях роста национального самосознания с середины XIX в., в Австро-Венгрии достаточно остро стояла проблема формирования социокультурной общности. Положение усугублялось тем, что большинство этносов, проживавших на территории страны, не имели за ее пределами, как говорили тогда, «исторической территории». Каким же образом правящая элита Двуетной монархии старалась укрепить общенациональное единство? И насколько успешными, в конечном итоге, оказались эти методы формирования единой социокультурной общности?

В Австро-Венгрии проводилась исключительно толерантная языковая политика — официально признавались одиннадцать языков, одним из которых являлся латинский, как «сверхнациональный» язык, равноудаленный от всех этнических наречий. Все подданные имели право обращаться в официальные учреждения на любом из них, эти языки использовались на денежных знаках, при

публикации официальных документов и т.п. При этом в силу сложившихся традиций и практики наиболее востребованными были немецкий и венгерский языки, являвшиеся и командными языками в армии. Менее были распространены сербско-хорватский, польский и чешский языки, остальные — еще менее, фактически оставаясь языками региональных этнических сообществ.

В данном случае напрашивается параллель с казахстанским опытом достижения целей политики общественного согласия, где одну из приоритетных ролей также играет языковая политика. Государственные институты Республики Казахстан в языковой политике реализуют курс на языковой плюрализм и учитывают при этом историческое прошлое, этнический состав населения Республики, региональные особенности и другие социально-демографические факторы. Основной задачей языковой политики Республики Казахстан являются сохранение и развитие языков этносов, населяющих республику, а также усиление и расширение сферы применения государственного языка как фактора укрепления общенациональной консолидации.

К началу 1910-х гг. прошлого века все подданные императора и короля наделялись равными политическими правами, независимо от происхождения, национальности и вероисповедания. При этом в Австрии, где в 1907 г. было введено всеобщее избирательное право, ограничения политических прав практически отсутствовали, а в Венгрии они существовали на цензовой имущественной основе, что во второй половине XIX – начале XX в. не являлось редкостью. Идея предоставления равных политических прав лишь в силу гражданской принадлежности в то время только начала приобретать популярность.

Вместе с тем реальное положение дел в национальном вопросе в разных частях империи было различным. Если в Австрии фактическим равноправием обладали представители всех национальностей (недовольные, прежде всего, чехи, добивались формального равноправия, т.е. преобразования страны из двуединой в триединую, с наделением Праги тем же статусом, которым уже обладали Вена и Будапешт), то в Венгрии дела обстояли сложнее. Консервативная венгерская элита проводила политику «мадьяризации», т.е. ассимиляции не имевших автономии словаков и румын, подавления их национального самосознания посредством внедрения обучения на венгерском языке, его исключительном использовании в ведении официальной документации, в армейских частях и т.д. [5].

Естественно, что наличие множества национальностей, имевших традиционные границы своего проживания в рамках единого государства, вызывало разного рода трения и проблемы. Как результат, уже в XIX в. в Австро-Венгрии сложился ряд национальных движений.

Традиционно самым масштабным из них являлось чешское. На чешских землях проживало свыше 10 миллионов человек. Богемия, как тогда именовалась Чехия, достигла высокого уровня индустриализации, на ее территории находилось более половины крупнейших и наиболее развитых предприятий Австро-Венгрии. Вместе с тем фундаментом хозяйственного процветания чешских земель служил общеавстрийский рынок, что признавалось большинством представителей чешской политической и интеллектуальной элиты. Основные чешские политические силы объясняли свой курс на сохранение Австро-Венгрии стремлением обеспечить национальную и культурную самостоятельность. На этой почве развилась концепция «сильной и справедливой империи» как «надежного убежища» от экспансии динамично развивающегося соседа — Германии [6]. В итоге, вплоть до Первой мировой войны, мейнстримом чешской политической элиты было преобразование дуалистической монархии в триалистическую, а вовсе не обретение политической независимости.

Если в Цислейтании — Австрии наиболее значительным являлось чешское национальное движение, то в Транслейтании — Венгрии таковую роль играло движение хорватское. Именно хорваты обладали в рамках исключительно централизованного, по сравнению с австрийской частью монархии, Венгерского королевства, определенной культурной и даже политической автономией. Представители хорватской политической и интеллектуальной элиты стремились к федерализации венгерской части монархии по образцу австрийской [5; 328].

Еще одна модель дальнейшего развития страны сформировалась в рамках румынского политического движения. Еще в 1905 г. один из лидеров румынского движения в Австро-Венгрии Аурел Попович опубликовал свою книгу с весьма говорящим названием «Соединенные штаты Великой Австрии», в которой ратовал за полноценную федерализацию страны на национальной основе. Тем не менее о выходе из состава Австро-Венгрии в этой программной книге речь не шла. Более того, по мысли ее автора, Румынскому королевству, уже обладавшему на тот момент полноценным государственным суверенитетом, следовало добровольно стать частью федеральной «Великой Австрии» [5; 328].

Поляки в целом занимали привилегированное положение на северо-востоке страны — в так называемом Королевстве Галиции и Лодомерии, а их политическая элита являлась одним из самых лояльных единому государству слоев населения страны. В середине XIX в. императорское правительство пошло навстречу польским политическим устремлениям и объединило западную часть Галиции, в которой преобладало польское население, с восточной, в большей степени населенную украинским этносом. С 1869 г. польский язык был наделен в Галиции официальным статусом. Польский язык господствовал в системе высшего образования и доминировал в среднем образовании данного края.

Проживавшие там же украинцы, официально именовавшиеся русинами, к началу XX в. в своем большинстве были лояльны австрийским властям и императорскому дому, составляя так называемое украинофильское движение. Их ближайшей политической целью было обретение административной и культурной автономии восточной части Галиции, где преобладало русинское население. Противостояние было организовано не общегосударственной, а местной, преимущественно польской, власти. По точному замечанию американского историка Тимоти Снайдера, *«для украинских активистов поляки были образцом, правителями и соперниками. Образцом — в том, как им удалось добиться значительной автономии в рамках Австрии. Правителями — поскольку власть была сосредоточена в их руках: более 90 процентов высших административных постов в Галиции находилось в руках поляков. Они были соперниками, так как польские политические силы, связанные с современным национализмом, такие как национал-демократы, стремились к распространению польской культуры в качестве единой национальной по всей Галиции»* [7; 127].

Украинскому движению приходилось конкурировать и с русофильским течением, также представленным в Галиции. Австрийские власти относились к его представителям с явным подозрением, не без оснований рассматривая их в качестве агентов российского влияния. Действительно, Петербург оказывал достаточно масштабную поддержку русофильским кругам в Австро-Венгрии, например, финансируя ряд местных газет, крупнейшей из которых была львовская газета «Слово», предоставляя политическую, экономическую и идеологическую поддержку представителям «москвофильской» идеологии в Галиции.

Контрмеры австрийских властей, направленные против русофильского движения, в частности, несколько открытых процессов над пророссийскими активистами, и рост украинского национального самосознания в Галиции способствовали снижению пророссийской ориентации в русинском движении. Этот процесс усугублялся миграционным фактором, поскольку многие «москвофилы» предпочитали эмигрировать в Россию, тогда как российские «украинофилы» переезжали в Галицию.

Тем не менее острота национального вопроса в Галиции, Буковине и Закарпатье была неодинаковой. В этой связи существенный интерес представляет сложившаяся на рубеже XIX–XX вв. в Буковине модель межэтнического взаимодействия. Гармоничному выстраиванию межнациональных отношений здесь способствовала избирательная реформа 1911 г., согласно которой каждый проживавший там этнос получал гарантированное пропорциональное представительство в местном законодательном собрании. Остальные места распределялись по результатам свободного всеобщего голосования. В результате именно Буковинская избирательная система в начале XX в. рассматривалась многими в Австро-Венгрии в качестве одной из наиболее эффективных и актуальных моделей дальнейшего политического развития страны. Данный опыт представляется интересным для казахстанских реалий, где функционирует уникальный институт Ассамблеи народа Казахстана, также имеющей представительство в законодательном органе Республики.

Преимущественно мусульманское население Боснии и Герцеговины, длительное время входившей в состав Османской империи, оккупированной Австро-Венгрией в 1878 г. по итогам Берлинского конгресса и официально вошедшей в состав страны в 1908 г., поначалу отнеслось к произошедшим переменам достаточно настороженно. Первое время край приходилось периодически успокаивать при помощи воинских континентов. Тем не менее очевидные экономические выгоды и взвешенная этнополитика властей постепенно принесли позитивные плоды; к началу XX в. боснийцы в своем большинстве являлись одними из самых лояльных подданных Габсбургов.

Вместе с тем в Боснии и Герцеговине существовали ирредентистские группировки, состоявшие преимущественно из сербов, стремившиеся присоединить ее к соседней Сербии. Так, 28 июня 1914 г. именно серб Гаврило Принцип из террористической организации «Черная рука», поддерживавшейся Генеральным штабом Сербии, совершил в столице Боснии и Герцеговине г. Сараево покушение на наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, в результате которого эрцгерцог и его супруга были убиты. Сараевское убийство явилось прологом к Первой мировой войне.

Тем не менее, вплоть до завершающего этапа Первой мировой войны, названной современниками Великой, практически ни одна национальность Австро-Венгрии, за исключением небольшой части русинов, итальянцев и сербов, не видела своего будущего вне этого государства. Как пишет российский историк В.Н. Виноградов, «ничто перед войной не предвещало того, что державы Габсбургов и Романовых априори были обречены на распад, хотя очагов национальной напряженности существовало немало, и опасность развала нельзя было исключать, но как тенденцию, а не как закономерность» [5; 329].

Данный тезис подтверждают и экономические показатели развития Дунайской монархии, подробно проанализированные в работах Дьёрдя Ранки, Ивана Т. Беренда, Ласло Катуша и других специализирующихся на австро-венгерской проблематике историков-экономистов [8, 9]. Можно ли с уверенностью сказать, что на рубеже позапрошлого и прошлого веков Австро-Венгрия входила в число наиболее экономически развитых стран? По результатам анализа указанных выше специалистов, вполне возможно утверждать, что по темпам промышленного развития Австро-Венгрия опережала Россию, причем менее развитая в индустриальном отношении Венгрия постепенно сокращала разрыв с Австрией, демонстрируя рост развития промышленности в 3,0 % против 2,5 % [8, 9]. При этом индустриализация в Австро-Венгрии, даже в наиболее экономически отсталых ее регионах, к примеру, в Боснии и Герцеговине и Трансильвании, протекала успешнее, нежели в соседних балканских странах: Сербии, Черногории, Румынии, Болгарии. Как пишет британский историк М. Палайро (M. Palairot), Босния и Герцеговина «экономически развивались более успешно, чем Сербия и Болгария», утверждая при этом, что «эффект габсбургской «цивилизаторской миссии» был серьезно недооценен историками» [10; 136].

Тем не менее по сравнению с наиболее передовыми экономиками мира Австро-Венгрия демонстрировала заметное экономическое отставание, которое постепенно, вплоть до начала Первой мировой войны, сокращалось. Следует также отметить, что отставание Австро-Венгрии было относительным; о нем можно говорить, если сравнивать ее с такими странами, как Великобритания, Германия, Франция, США, тогда как на фоне Италии или России, также входивших в «клуб великих держав» того времени, монархия Габсбургов с экономической точки зрения выглядела вполне убедительно. Причем за время своего существования Австро-Венгрия добилась значительных успехов в преодолении отмеченной относительной экономической отсталости. Об этом говорят данные темпов экономического роста. Среднегодовой подушный социальный продукт (в долларах США по курсу 1960 г.) в денежном выражении в Австро-Венгрии составлял 1,45; в Германии — 1,51; во Франции — 1,06; в Великобритании — 1,0; в Италии — 0,81; в России — 0,62. То есть темпы экономического роста в Австро-Венгрии были выше, нежели в большинстве высокоразвитых европейских стран, за исключением Германии [11], что говорит о явном успехе проводившейся в Двуетидной монархии экономической политики.

Еще одним важным экономическим инструментом, негативные последствия разрушения которого в полной мере испытали страны, возникшие на руинах Австро-Венгрии после Первой мировой войны, являлось общее экономическое пространство. Известный специалист в области экономической истории Ф. Херц отмечает «подавляющее преимущество экономической общности» Австро-Венгрии, которое компенсировало недостатки этого государственного образования [12; 51]. Наличие единых таможенных границ и порой не без труда возобновлявшиеся экономические соглашения между обеими частями монархии Габсбургов во многом являлись фундаментом успешного экономического развития. Эта общность приносила выгоды не только наиболее развитым в индустриальном отношении регионам страны, но и таким преимущественно аграрным областям, как Галиция, Трансильвания, Босния и Герцеговина. Как отмечает американский историк Хью Стюарт, победители в Первой мировой войне «забыли о том, что Австро-Венгерская монархия, несмотря на все ее ошибки, превратила бассейн Дуная в единое экономическое целое, забыли о том, что ей надо было найти какую-нибудь замену, раз она должна была исчезнуть» [13; 119].

Единое таможенное пространство позволило связать в единое целое промышленность Австрии и Богемии и аграрный сектор Венгрии и Галиции, обеспечило формирование общегосударственной экономической политики на твердых экономических принципах, принимая во внимание интересы обеих частей Двуетидной монархии, без ущемления внутренней экономической свободы Цислейтании или же Транслейтании. По мнению Д. Комлоша, благодаря этому венгерская промышленность «извлекла, вероятно, еще больше выгод от свободного доступа к австрийскому рынку, чем сельское хозяйство», получив гарантированный, надежно защищенный высокими импортными пошлинами от

иностранный конкуренции рынок [14; 139, 140]. Поставляя продукцию аграрного производства на общенациональный рынок, Венгрия получила возможность беспрепятственно получать инвестиции, высокотехнологичное промышленное оборудование и квалифицированную рабочую силу из индустриально более развитой австрийской части страны. В этой связи возможно проведение определенной параллели с Республикой Казахстан, где формированию экономической общности также придается первостепенное значение, причем не только на национальном, но и на региональном уровне. Достаточно вспомнить опыт формирования по инициативе Президента страны Н.А. Назарбаева Таможенного союза, в дальнейшем трансформировавшегося в Евразийский экономический союз.

Из отмеченного выше следует вывод, что несмотря на сравнительное отставание от наиболее развитых стран Западной Европы и США, экономическое развитие Австро-Венгрии имело устойчивую положительную тенденцию, демонстрируя стабильность и жизнеспособность страны.

Тем не менее проблемы формирования социокультурной общности в Австро-Венгрии существовали, и проблемы эти были серьезные, связанные, прежде всего, со сферой межэтнического взаимодействия в дуалистическом государственном механизме. Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что улучшить ситуацию могло реформирование политической структуры страны, превращение ее в полноценное федеративное государство. Один из наиболее перспективных проектов федерализации был связан с именем наследника престола — эрцгерцога Франца Фердинанда [15].

Эрцгерцог выступал последовательным противником дуалистической модели государственного устройства Австро-Венгрии, считая компромисс 1867 г. вынужденной мерой, препятствовавшей гармонизации межнациональных отношений в условиях начала XX в., а следовательно, и формированию единой нации в австро-венгерских границах.

В 1910–1911 гг. эрцгерцог совместно с поддерживавшими его политиками разработал проект реформирования Австро-Венгрии. Наиболее принципиальным аспектом являлось введение в Венгрии всеобщего избирательного права по образцу австрийской части монархии. Как считали Франц Фердинанд и круг его единомышленников, данная мера должна была привести к ослаблению позиций консервативного венгерского дворянства, поскольку в Национальном собрании (парламенте) Венгрии появились бы свыше двухсот депутатов — представителей национальных меньшинств. Такой обновленный парламент вполне был способен начать реформирование административной структуры Транслейтании на принципах реализации национально-культурной автономии. Проект манифеста о восшествии Франца Фердинанда под именем Франца II на престол гласил: «Нашим принципам равноправия всех народов и сословий соответствует наше стремление к тому, дабы каждой народности в монархии была обеспечена свобода национального развития — если стремление к оной свободе будет осуществляться в ее, монархии, рамках... Да живут народы Дунайской монархии, близкие друг другу исторически и географически, в братской любви, да состязаются они лишь в прогрессе хозяйственном и культурном» [Цит. по: 15].

Изначально эрцгерцог рассматривал проект «триализации» монархии на основе изменения статуса Чешских земель, уравнивания их в административно-политическом отношении с Венгрией и Австрией. Изучались варианты преобразования дуалистической монархии в триалистическую — Австро-Венгро-Славию посредством создания на южнославянских землях монархии отдельного королевства. Тем не менее постепенно эрцгерцог пришел к осознанию необходимости полноценной федерализации Австро-Венгрии на принципах национально-культурной автономии входивших в ее состав народов.

В настоящее время представляется очевидным, что данный проект вполне соответствовал логике эволюции этнополитических процессов в условиях XX в., и он мог дать шанс обновленной стране войти в новое столетие. Тем более, что, как показала история, большинство подданных Габсбургов вплоть до 1918 г. не желало распада Австро-Венгрии, а реализованная в данном государстве модель формирования социокультурной общности, при всех своих очевидных недостатках, была способна обеспечить устойчивое развитие народов Средней Европы и имела ресурсы дальнейшей модернизации. Гибель единого государства в 1918 г. явилась в большей степени результатом стечения неблагоприятных внешнеполитических факторов, нежели определялась обстоятельствами внутреннего порядка.

Еще в 1886 г. сын императора Франца Иосифа — наследник престола эрцгерцог Рудольф написал: «Габсбургское государство давно уже осуществило мечту Виктора Гюго о «Соединенных Штатах Европы», пусть и в миниатюрной форме. Австрия — блок разных стран и народов под единым руководством... Это идея, имеющая огромное значение для мировой цивилизации. И хотя пока что

реализация этой идеи, выражаясь дипломатически, не совсем гармонична, это не означает ошибочности самой идеи» [Цит. по: 3; 354].

Соглашение 1867 г., приведшее к созданию дуалистической модели Австро-Венгрии, привело к появлению уникальной в своем роде многонациональной европейской монархии федеративного типа. Ее эволюция в конце XIX – начале XX вв. во многом предвосхитила практику решения проблем национально-территориального федеративного устройства в современных условиях. Данная модель основывалась на федеративном единстве в сочетании с внутренней административно-политической самостоятельностью субъектов. Четкое соблюдение порядка разделения полномочий между Цислейтанией и Транслейтанией, при доминировании центральной императорской власти, в условиях XIX в., несомненно, свидетельствовало о высокой правовой культуре этого государственного образования. Вместе с тем федерализация Австро-Венгрии осталась незавершенной, что в сочетании с жесткой позицией победителей в Первой мировой войне предопределило распад страны в 1918 г.

Тем не менее австро-венгерский опыт формирования социокультурной общности, несмотря на распад единого государства под воздействием, главным образом, неблагоприятных внешних воздействий, дает больше оснований для положительных оценок, и ряд его аспектов может быть использован при разработке этнополитики в многонациональных странах, в том числе и в Казахстане. Австро-венгерская монархия, будучи органически сложившимся государством в центре Европы, основывалась на традиционных связях, совместном опыте, на сознании единства, сформировавшемся вследствие долгой общей исторической судьбы. Она имела потенциал развития и вполне могла войти в XX в. если бы не была уничтожена вследствие военного поражения в Первой мировой войне. В этой связи уместно привести утверждение Петера Берглара, профессора истории Кёльнского университета, специалиста по прошлому Средней Европы. Он подчеркивает, что именно «многообразие в единстве и единство в многообразии сделали дунайскую монархию одним из самых высокоразвитых государственных образований в истории человечества, по сравнению с которым централизованные национальные государства XIX века кажутся просто примитивными. Одним из самых больших и продолжительных исторических обманов нашего столь богатого на подобные обманы времени является ложь о том, что Габсбургская империя была закостенелой, курьезной тюрьмой народов, подвергавшей их феодальному угнетению. Правдой же является как раз противоположное: она обладала большой внутренней гибкостью, была способна и готова к перестройке; это был дом, в котором жили в безопасности именно малые народы, которые своими силами не смогли бы обеспечить себе безопасность и свободное развитие. Когда победители в 1918 году разрушили этот дом и отпустили его обитателей, которые в слепом заблуждении кричали при этом о «свободе», в самостоятельную государственность, они тем самым вытолкнули их из уравновешенного, способного к развитию и устоявшегося существования в шовинистически-националистическое расчленение страны на малые государства, которое обязательно должно было закончиться порабощением» [16; 255, 256].

Список литературы

- 1 Исламов Т.М. Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи / Т.М. Исламов // Новая и новейшая история. — 2001. — № 5. — С. 78–103.
- 2 May A.J. The Hapsburg Monarchy, 1867–1914 / A.J. May. — New York: W.W. Norton & Company, 1968 — 654 p.
- 3 Шимов Я.В. Австро-Венгерская империя / Я.В. Шимов. — М.: Аспект-Пресс, 2003. — 609 с.
- 4 Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс] / Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — Санкт-Петербург: Изд-во И.А. Ефрона, 1890–1907. — Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>.
- 5 Виноградов В.Н. На руинах многонациональных империй / В.Н. Виноградов // Первая мировая война: пролог XX века. — М.: Наука, 1998. — С. 327–341.
- 6 Краткая история Чехословакии: с древнейших времен до наших дней / отв. ред. А.Х. Клеванский, В.В. Марына, И.И. Поп. — М.: Наука, 1988. — 576 с.
- 7 Snyder T. The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999 / T. Snyder. — New Haven and London: Yale University Press, 2004. — 384 p.
- 8 Berend I.T. The Economic Development in East-Central Europe in the 19th and 20th Centures / I.T. Berend, G. Ranki. — New York: Columbia University Press, 1974. — 422 p.
- 9 Katus L. Economic Growth in Hungary during the Age of Dualism 1867-1913. Quantitative Analysis / L. Katus // Social and Economic Researches on the History of East-Central Europe // Ed. By Pamlenyi E. — Budapest: Akademiai Kiado, 1970. — 324–341 p.

- 10 Palaire M. The Habsburg Industrial Achievement in Bosnia-Herzegovina, 1878-1914 / M. Palaire // Austrian History Yearbook. — 1993. — Vol. XXIV. — P. 125–137.
- 11 Kausel A. Österreichs Volkseinkommen 1830 bis 1913 / A. Kausel // Geschichte und Ergebnisse der zentralen amtlichen Statistik in Österreich. 1829-1979. Hft. 550. — Wien: Österreichisches Statistisches Zentralamt, 1979. — S. 710–720.
- 12 Hertz F. The Economic Problem of the Danubian States. A Study in Economic Nationalism / F. Hertz. — London: Gollancz, 1947. — 436 p.
- 13 Stewart Hughes H. Contemporary Europe: A History / H. Stewart Hughes. — New York: Prentice Hall, 1961. — 428 p.
- 14 Komlos J. Die Habsburgermonarchie als Zollunion, Die Wirtschaftsentwicklung Österreich-Ungarns im 19 Jahrhundert / J. Komlos. — Wien: Österreichischer Bundesverlag, 1986. — 244 p.
- 15 Шимов Я.В. Всё, что вы хотели (или не хотели) знать об эрцгерцоге. 2010. Сайт «Австро-Венгрия» [Электронный ресурс] / Я.В. Шимов. — Режим доступа: <http://ah.milua.org/franz-ferdinand>.
- 16 Берглар П. Меттерних. Кучер Европы – лекарь революций // Хилльгрубер А., Берглар П. Выдающиеся политики. — Ростов н/Д.: Феникс, 1998. — С. 173–308.

Р.М. Жұмашев, И.Д. Хлебников, Ш.А. Ильясов

Социомәдени қауымдастықты қалыптастыру тарихынан: австрия-венгрия тәжірибесі

Мақалада австрия-венгрия мысалы бойынша социомәдени қауымдастық құру мәселелері қарастырылды. Авторлар австрия-венгриялық ұлттық құрылыстың тәжірибесіне назар аударды, Қазақстан Республикасына тиесілі көпэтникалық және көпмәдениетті білім беру болып табылатын елдердің дамуы тұрғысынан өзектілікті ұсынылды. Австрия-венгрияның дуалистік моделін құруға әкелетін 1867 ж. келісім өзінше бірегей федеративтік үлгідегі көпұлтты еуропалық монархияның пайда болуына әкелді. XIX ғ. аяғы — XX ғ. басындағы оның дамуы көп жағдайда қазіргі жағдайдағы ұлттық-аймақтық федералдық жүйенің мәселелерін шешу тәжірибесін болжады. Аталған үлгі субъектілердің ішкі әкімшілік және саяси дербестігімен үйлестікте федеративтік бірлікке негізделген. XIX ғ. жағдайында Цислейтания мен Транслейтания арасындағы орталық империялық биліктің үстемдігімен өкілеттіктерді бөлу тәртібін дәл сақтау осы мемлекет қалыптасуының жоғары құқықтық мәдениетін көрсетті. Авторлар социомәдени қауымдастықты қалыптастырудағы австрия-венгрия тәжірибесі біртұтас мемлекеттің бұзылуына, әсіресе қолайсыз сыртқы әсердің ықпалына қарамастан, оң бағалауға көбірек негіз береді деген қорытындыға келді. Талдау көрсеткендей, біртұтас мемлекеттің ыдырауы алдын ала анықталмады, себебі ұлттық құрылыс және экономикалық даму тұрғысынан Дунай монархиясында шешілмейтін іргелі қайшылықтар болмады.

Кілт сөздер: социомәдени қауымдастық, көпшілік этикаға сәйкестік, австрия-венгрия, Орта Еуропа, габсбургтер.

R.M. Zhumashev, I.D. Khlebnikov, Sh.A. Ilyasov

From the history of the formation of a socio-cultural community: the austro-hungarian experience

The article «From the history of the formation of a socio-cultural community: the austro-hungarian experience» is concerned with the issues of building a socio-cultural community, the case of Austria-Hungary. The author focuses on the experience of national construction in Austria-Hungary, which is relevant in the light of the development of countries that are multi-ethnic and multicultural formations, which include the Republic of Kazakhstan. The Austro-Hungarian Compromise of 1867, which established the dualist model of Austria-Hungary, led to the emergence of a unique multi-ethnic European monarchy of a Federal type. Its evolution in the late XIX-early XX century largely anticipated the problems solving practices of national-territorial Federal structure in modern conditions. This model was based on Federal unity in combination with the internal administrative and political independence of the subjects. Strict adherence to the division of powers between Cisleithania and Transleithania with the dominance of the Central Imperial power, in terms of the nineteenth century, undoubtedly, was evidence of the high legal culture of public education. The authors come to the conclusion that the Austro-Hungarian experience of forming a socio-cultural community, despite the collapse of a unified state under the influence of mainly adverse external forces, gives more grounds for positive assessments. The analysis shows that the collapse of a unified state was not predetermined, because in terms of national construction, and in terms of economic development, the Danube monarchy had no unsolvable fundamental contradictions.

Keywords: socio-cultural community, multi-ethnicity, Austria-Hungary, Middle Europe, the Habsburgs.

References

- 1 Islamov, T.M. (2001). Avstro-Venhriia v Pervoi mirovoi voine. Krakh imperii [Austria-Hungary in the First World War. The collapse of the Empire]. *Novaia i noveishaia istoriia – New and recent history*, 5, 78–103 [in Russian].
- 2 May, A.J. (1968). *The Hapsburg Monarchy, 1867–1914*. New York: W.W. Norton & Company.
- 3 Shimov, Ya.V. (2003). *Avstro-Venherskaia imperiia [Austro-Hungarian Empire]*. Moscow: Aspekt Press [in Russian].
- 4 Enciklopedicheskii slovar F.A. Brokhauza i I.A. Efrona [Encyclopedic dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron]. (n.d.). *vehi.net*. Retrieved from <http://www.vehi.net/brokgauz/> [in Russian].
- 5 Vinogradov, V.N. (1998). Na ruinaх mnohonatsionalnykh imperii [On the ruins of multinational empires]. *Pervaia mirovaia voina: prologh XX veka – The First World War: the prologue of the twentieth century*. Moscow: Nauka [in Russian].
- 6 Klevanskij, A.H., & Mar'ina, V.V., & Pop, I.I. (Eds.). (1988). *Kratkaia istoriia Chechoslovakii: s drevneishikh vremen do nashikh dnei [A brief history of Czechoslovakia: from ancient times to the present day]*. Moscow: Nauka [in Russian].
- 7 Snyder, T. (2004). *The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven and London: Yale University Press.
- 8 Berend, I.T., & Ranki, G. (1974). *The Economic Development in East-Central Europe in the 19th and 20th Centuries*. New York: Columbia University Press.
- 9 Katus, L. (1970). Economic Growth in Hungary during the Age of Dualism 1867-1913. Quantitative Analysis // Social and Economic Researches on the History of East-Central Europe. By Pamlenyi E. (Ed.). Budapest: Akademiai Kiado.
- 10 Palaire, M. (1993). The Habsburg Industrial Achievement in Bosnia-Herzegovina, 1878–1914. *Austrian History Yearbook, Vol. XXIV*, 125–137.
- 11 Kausel, A. (1979). Österreichs Volkseinkommen 1830 bis 1913. *Geschichte und Ergebnisse der zentralen amtlichen Statistik in Österreich. 1829-1979. Hft. 550*. Wien: Österreichisches Statistisches Zentralamt.
- 12 Hertz, F. (1947). *The Economic Problem of the Danubian States. A Study in Economic Nationalism*. London: Gollancz.
- 13 Stewart Hughes, H. (1961). *Contemporary Europe: A History*. New York: Prentice Hall.
- 14 Komlos, J. (1986). *Die Habsburgermonarchie als Zollunion, Die Wirtschaftsentwicklung Österreich-Ungarns im 19 Jahrhundert*. Wien: Österreichischer Bundesverlag.
- 15 Shimov, Ya. (2010). Vse, chto vy khoteli (ili ne khoteli) znat ob ertshterssohe [Everything you wanted (or didn't want) to know about the Archduke]. Sait «Avstro-Venhriia» – Site «Avstro-Venhriia». *ah.milua.org*. Retrieved from <http://ah.milua.org/franz-ferdinand> [in Russian].
- 16 Berglar, P. (1998). Metternikh. Kucher Evropy – lekar revoliutsii [Metternich. The coachman of Europe and the doctor of revolution]. *Hill'gruber, A., & Berglar, P. Vydaiushchiesia politiki – Hillgruber, A., Berglar, P. Outstanding politicians*. Rostov-na-Donu: Feniks [in Russian].